

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-322-327

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

КАРПОВА Александра Владимировна,

преподаватель кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического института
МВД России, канд. полит. наук,
e-mail: av_karpova@list.ru

КЛОЧКО Юлия Витальевна,

профессор кафедры психолого-педагогического и
медицинского обеспечения деятельности ОВД Всероссийского
института повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации, канд.
психол. наук, доцент,
e-mail: Chenklo@mail.ru

СУХОРИКОВ Владимир Анатольевич,

профессор кафедры философии Волгоградской академии
МВД России, канд. пед. наук, доцент,
e-mail: Pirogova-81@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ В СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема установления достоверности показаний участников уголовного судопроизводства средствами лингвистического и психолингвистического анализа. Актуальность исследования обусловлена ограниченностью традиционных методов визуальной диагностики лжи, не обеспечивающих надёжного распознавания обмана, а также процессуальными препятствиями для применения инструментальных психофизиологических методик. В условиях цифровой трансформации следственной деятельности, порождающей качественно новую форму противодействия расследованию — высокотехнологичную ложь, — единственным объективным ресурсом повышения качества следствия становится анализ собственно речевого продукта. Систематизируются языковые маркеры неискренности на пяти уровнях языковой системы: лексическом (снижение частоты местоимений первого лица, хеджирование, эвфемизация, дефицит сенсорно-перцептивной лексики), морфологическом (пассивные конструкции, частотность глаголов движения), синтаксическом (усложнение синтаксиса, нарушение логической связности), просодическом и фонетическом (паузация, оговорки, самокоррекции, темпоральные и мелодические сдвиги), прагматическом (гипертрофированная вежливость, манипуляция речевыми актами). Анализируются правовые ограничения использования лингвистического анализа в уголовном процессе, включая недопустимость постановки перед экспертом вопросов о достоверности показаний, вспомогательный характер экспертных заключений и требование оценки результатов в совокупности с другими доказательствами. Обосновываются перспективные направления интеграции лингвистических критериев в тактику допроса, включая применение когнитивно-ориентированных подходов и криминалистического профайлинга. Делается вывод о диагностической ценности комплексного применения лингвистических критериев и необходимости их сочетания с психологическими и криминалистическими методами.

Ключевые слова: достоверность показаний, лингвистические маркеры неискренности, психолингвистика, речевая неискренность, высокотехнологичная ложь, следственная практика, тактика допроса, лингвистическая экспертиза.

KARPOVA Alexandra Vladimirovna,

Lecturer in the departments of special disciplines of the Volgodonsk
branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Political Sciences

KLOCHKO Yulia Vitalievna,

Professor of the Department of Psychological, Pedagogical and Medical Support for Internal Affairs Activities All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

SUKHORUKOV Vladimir Anatolyevich,

Professor, Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

LINGUISTIC CRITERIA FOR ASSESSING THE CREDIBILITY OF TESTIMONY IN INVESTIGATIVE WORK

Annotation. This article examines the issue of establishing the veracity of statements made by participants in criminal proceedings through linguistic and psycholinguistic analysis. The study's relevance stems from the limitations of traditional visual methods for detecting lies—which fail to ensure reliable deception recognition—and from procedural obstacles hindering the use of instrumental psychophysiological techniques. Amid the digital transformation of investigative work, which has spawned a qualitatively new form of obstruction—high-tech deception—the analysis of the actual verbal output has become the sole objective resource for enhancing the quality of investigations. The article systematizes linguistic markers of insincerity across five levels of the language system: lexical (reduced frequency of first-person pronouns, hedging, use of euphemisms, scarcity of sensory-perceptual vocabulary), morphological (passive constructions, frequency of verbs of motion), syntactic (syntactic complexity, disrupted logical coherence), prosodic and phonetic (pausing, slips of the tongue, self-correction, temporal and melodic shifts), and pragmatic (exaggerated politeness, manipulation of speech acts). It analyzes the legal constraints on using linguistic analysis in criminal proceedings, including the inadmissibility of asking experts directly about the veracity of statements, the auxiliary nature of expert opinions, and the requirement to evaluate results in conjunction with other evidence. The article substantiates promising avenues for integrating linguistic criteria into interrogation tactics, including the use of cognitively oriented approaches and forensic profiling. It concludes by highlighting the diagnostic value of a comprehensive application of linguistic criteria and the necessity of combining them with psychological and forensic methods.

Key words: credibility of statements, linguistic markers of insincerity, psycholinguistics, verbal insincerity, high-tech deception, investigative practice, interrogation tactics, linguistic forensic analysis.

Проблема установления достоверности показаний участников уголовного судопроизводства традиционно относится к числу наиболее сложных и дискуссионных в криминалистическом знании, теории оперативно-розыскной деятельности и судебно-экспертной практике. В последние десятилетия следственная практика со всей очевидностью демонстрирует: недостаточно только опоры исключительно на визуальную диагностику при распознавания лжи. Как свидетельствуют эмпирические исследования, ни профессиональная деформация, ни стаж работы не обеспечивают безошибочного выявления обмана по невербальным проявлениям — микровыражениям лица, жестикуляции, взгляда, положению тела в пространстве. Процессуальный регламент, в свою очередь, существенно ограничивает возможности применения инструментальных методов психофизиологической диагностики, в частности полиграфа. В этих условиях единствен-

ным объективным ресурсом повышения качества следствия остаётся анализ собственно речевого продукта — текста показаний.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в контексте цифровой трансформации правоохранительной сферы. Развитие технических средств фиксации информации и внедрение цифровых баз данных безусловно видоизменяют парадигму следственной деятельности. Однако технологический сдвиг обостряет потребность глубокого лингвистического анализа вербальной информации, ведь до сих пор ключевым источником доказательственной информации остается вербальная и невербальная коммуникация между следователем и допрашиваемым лицом. Бинарность эффекта цифровой среды, в которую погружена современная следственная деятельность, проявляется в том, что, с одной стороны, в распоряжении следователя оказываются объективированные информационные массивы: видео-

записи городских камер наблюдения, банковские транзакции, биллинг абонентских соединений, геолокационные метки и серверные логи. В совокупности указанные данные формируют жёсткий каркас фактической основы расследования. С другой стороны, связующую функцию по отношению к разрозненным цифровым артефактам выполняют показания участников уголовного судопроизводства: именно они придают цифровой фактуре преступления процессуальное значение, выстраивая их в целостную доказательственную картину, в которой отражается субъективное восприятие события.

Тотальный цифровой контроль порождает качественно новую форму противодействия расследованию — высокотехнологичную ложь. Допрашиваемый, как правило, уже не отрицает ни факта своего пребывания в определённом месте, ни факта совершения транзакции, поскольку подобные утверждения легко опровергаются данными из информационных систем. Вместо этого он выстраивает развёрнутые объяснительные конструкции: «телефон оставил у знакомого», «картой пользовался сожитель», «действовал под угрозой, содержание которой не могу раскрыть, не подвергая опасности близких». В подобных ситуациях технические средства фиксируют лишь внешнюю сторону произошедшего, а вот понять, как сам допрашиваемый объясняет случившееся и не скрывает ли он настоящие причины своих поступков, можно только через анализ его слов — того, как он строит свои показания. Любой цифровой след требует текстологической верификации.

Следовательно, инструментом преодоления высокотехнологичной лжи может стать только системный анализ речевого продукта. Теоретической базой для такого анализа служит прикладная лингвистика, изучающая маркеры обмана. Толчком для изучения лингвистического аспекта ложных утверждений в отечественных и зарубежных исследованиях послужила работа Х. Вайнриха «Лингвистика лжи» (1966), в которой делается попытка «очертить понятие лжи как темы лингвистических исследований» [1]. В основе концепции автора лежит тезис о том, что язык не предназначен для обмана: ложь — лишь обратная сторона его основной знаковой функции. По мысли исследователя, язык по своей природе ориентирован на истину, а коммуникация служит тому, чтобы делать мысли доступными для другого. Вайнрих не проблематизирует утверждение о том, что язык помогает лгать; напротив, он описывает, что именно происходит в структуре высказывания, когда истина превращается в свою противоположность. Центральным здесь становится положение о большей энергозатратности ложного высказывания по сравнению с истинным: говорящему

приходится одновременно удерживать в сознании реальную картину событий и конструировать правдоподобный вымысел, контролируя при этом производимое впечатление. Такая двойная задача неизбежно оставляет следы на поверхностном уровне текста — в выборе слов, построении фраз, управлении темпом повествования.

Лингвистический анализ даёт возможность зафиксировать следы неискренности в тексте, однако не объясняет природы их происхождения и причин, по которым одни маркеры оказываются надёжными, а другие не выдерживают эмпирической проверки. Ответы на эти вопросы лежат в плоскости психолингвистики, рассматривающей ложь не как готовый текст, а как динамический процесс — от формирования замысла у говорящего до его интерпретации слушающим. Именно этот ракурс позволяет увидеть за поверхностными языковыми проявлениями глубинные когнитивные механизмы, лежащие в основе порождения и восприятия ложных высказываний.

Рассмотрение данных теоретических предпосылок позволяет выделить конкретные уровни языковой системы, на которых манифестируется установка на обман.

В лингвистике, психолингвистике и криминалистике принято выделять маркеры лжи, которые находят свое отражение в словарном составе (лексический уровень), в форме слов (морфологический уровень), в структуре предложения (синтаксический уровень), в интонации и темпе речи (просодический и фонетический уровни), в функционировании языка (прагматический уровень). Рассмотрим инструменты каждого из них подробнее:

1. Лексический уровень.

На лексическом уровне ложные высказывания проявляются в двух диаметрально противоположных тенденциях. С одной стороны, наблюдается обеднение и упрощение словаря, с другой — намеренное усложнение высказывания и искусственное наращивание деталей.

Одним из наиболее воспроизводимых в эмпирических исследованиях маркеров выступает снижение частоты местоимений первого лица единственного числа, субъект пытается таким образом дистанцироваться от содержания, ситуации. Анализ реальных случаев корпоративного мошенничества, проведённый Бёргундом и его коллегами [2], зафиксировал, что в ложных высказываниях слова «я», «мой», «меня» встречаются существенно реже, чем в правдивых. Психологический механизм здесь достаточно прозрачен: конструируя вымысел, говорящий стремится отстраниться от него и не принимать на себя личную ответственность за сообщаемое.

Стоит отметить, что ложные высказывания отличаются повышенной концентрацией

хеджирующих единиц — «возможно», «вероятно», «в некотором смысле», «насколько я помню». Подобные лексемы позволяют смягчить утверждение и сохранить пространство для отступления в случае разоблачения. Одновременно они формируют образ осторожной, взвешенной речи, что может ошибочно восприниматься как свидетельство честности. Осторожную речь может характеризовать использование ложных синонимов и эвфемизмов, в частности, происходит замена прямых терминов смягчёнными или нейтральными выражениями для маскировки негатива («ушёл в отставку» вместо «уволители», «экономические трудности» вместо «банкротство»).

Ряд исследований отмечает снижение доли эмоционально окрашенных слов в ложных высказываниях. Правдивая речь, особенно при описании значимых событий, закономерно насыщена оценками, чувствами и личностным отношением. Ложное высказывание, напротив, тяготеет к нейтральному, «протокольному» регистру, поскольку говорящему затруднительно одновременно выстраивать вымысел и поддерживать эмоциональную вовлечённость. Более того, отмечается отсутствие сенсорно-перцептивной лексики. Лжецы часто избегают слов, описывающих чувственный опыт: зрение, слух, осязание, вкус, обоняние. Пример: вместо «Я увидел кровь» → «Там была кровь», «Вижу» → «Заметил».

Вопреки интуитивному ожиданию, что ложь упрощает речь, высокомотивированные говорящие нередко прибегают к искусственному наращиванию деталей. Это обусловлено осознанием того, что подробный рассказ воспринимается аудиторией как более достоверный. Однако добавленные детали зачастую оказываются нерелевантными или непроверяемыми: они не несут смысловой нагрузки, а лишь создают видимость конкретности.

2. Морфологический уровень.

На морфологическом уровне неискренность проявляется в специфике использования грамматических категорий, прежде всего в характере залоговых конструкций и в распределении глагольных форм определённой семантики.

Одним из маркеров дистанцирования от содержания высказывания выступает повышенная частотность пассивного залога. Конструкции типа «деньги были переданы» вместо «я передал деньги» позволяют говорящему устранить указание на субъект действия и тем самым снизить меру личной ответственности за сообщаемое. Пассив, таким образом, выполняет функцию грамматического средства психологического отстранения от описываемого события.

В ложных высказываниях, описывающих события, связанные с перемещением во времени и пространстве, нередко наблюдается повышен-

ная концентрация глаголов движения — «пошёл», «пришёл», «вышел», «вернулся». Это объясняется тем, что при конструировании вымысла говорящий стремится воссоздать внешнюю канву событий, однако лишён реального сенсорного опыта, который мог бы наполнить рассказ содержательными деталями. Глаголы движения в такой ситуации становятся наиболее доступным средством создания видимости динамичного, развёрнутого повествования.

3. Синтаксический уровень.

На синтаксическом уровне неискренность проявляется в структурной организации высказывания — как в усложнении отдельных предложений, так и в нарушении связности текста в целом.

Для ложных высказываний характерно наращивание синтаксической сложности: предложения становятся длиннее, перегружаются придаточными частями, вводными оборотами и повторами. Подобная структура выполняет двоякую функцию. С одной стороны, она отражает когнитивную нагрузку, связанную с необходимостью одновременно удерживать реальную картину событий и конструировать вымысел. С другой — создаёт дополнительную нагрузку на слушающего, затрудняя восприятие и критическую проверку сообщаемой информации. Перенасыщенность синтаксиса становится, таким образом, инструментом, отвлекающим внимание от содержательных противоречий.

Вторым устойчивым признаком выступает ослабление логических связей между элементами повествования. В ложном высказывании зачастую отсутствуют звенья, обеспечивающие естественный переход от одного события к другому: опускаются промежуточные этапы, происходит резкая смена темы без указания на причину такого перехода, не эксплицируются причинно-следственные отношения. Подобные разрывы отражают трудность одновременного выстраивания двух линий повествования — достоверной и вымышленной. Говорящий, лишённый реального опыта описываемых событий, оказывается не в состоянии воспроизвести их естественную логику и последовательность.

4. Просодический и фонетический уровни.

На просодическом и фонетическом уровнях неискренность обнаруживается в темпоральных и мелодических характеристиках речи, а также в наличии разного рода сбоев, сопровождающих речепорождение.

Показательными признаками выступают незапланированная паузация, оговорки, самокоррекции и повторы отдельных лексем. Частые остановки, исправления сказанного, повторы слов («э-э... ну, я имею в виду...») традиционно интерпретируются как индикаторы повышенной когнитивной нагрузки: говорящему приходится

одновременно удерживать в сознании подлинную версию событий и выстраивать альтернативный нарратив, что неизбежно нарушает плавность речевого потока. Самокоррекции, в частности, свидетельствуют о том, что произнесённый вариант не соответствует заранее сконструированному замыслу и требует немедленной замены.

Вторую группу признаков образуют темпоральные и мелодические сдвиги. Ускорение темпа нередко наблюдается в моменты, когда говорящий отвечает на прямые вопросы, затрагивающие значимые для него обстоятельства. Такое ускорение может отражать стремление быстрее миновать «опасный» участок диалога. Повышение тона в завершающей части фразы также рассматривается как индикатор эмоционального напряжения, сопровождающего сообщение недостоверных сведений. Мелодический рисунок в подобных случаях утрачивает естественную вариативность, приобретая черты напряжённой, недостаточно модулированной интонации.

5. Прагматический уровень.

В сфере реализации фактической функции неискренность проявляется в гипертрофированной вежливости, использовании формальных приветствий и ритуализированных формул, не несущих содержательной нагрузки. Особого внимания заслуживает такой приём, как уход от прямого ответа посредством встречных уточняющих вопросов (техника перефразирования мыли) — «Что именно вас интересует?», «Не могли бы вы уточнить?». Подобные реплики выполняют двойную задачу: они создают видимость заинтересованного диалога и одновременно позволяют говорящему выиграть время, необходимое для конструирования ответа, а также переложить бремя конкретизации на собеседника.

На уровне речевых актов неискренность обнаруживается в намеренном смешении утверждений о фактах с предположениями и модальными конструкциями. Формулировки типа «Наверное, это был он» или «Мне кажется, я тогда не заходил» позволяют говорящему сохранить видимость правдоподобия, не принимая на себя ответственности за точность сообщаемого. В случае разоблачения такая реплика легко перекалывается в «мне так показалось», что выводит её из разряда заведомо ложных утверждений. Подобное смешение модальностей создаёт эффект уклончивости и одновременно затрудняет верификацию высказывания.

Применение лингвистического анализа в рамках уголовного судопроизводства сопряжено с рядом нормативных ограничений, игнорирование которых способно повлечь признание полученных результатов недопустимыми доказательствами.

Прежде всего, необходимо учитывать, что

вопросы о достоверности или недостоверности показаний не могут ставиться перед экспертом-лингвистом. Установление истинности сообщаемых сведений относится к компетенции следователя и суда, но не эксперта, чья задача ограничивается исследованием языковых характеристик текста. Выход за пределы этой компетенции превращает заключение из доказательства в оценочное суждение, не имеющее процессуальной силы.

Далее, заключение эксперта-лингвиста носит вспомогательный, ориентирующий характер. Оно не устанавливает факт лжи и не может служить самостоятельным основанием для выводов о виновности или невиновности. Его назначение состоит в том, чтобы предоставить следователю дополнительную информацию, которая может быть использована при построении версий и планировании следственных действий.

Наконец, результаты лингвистического анализа подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами. Согласно статье 88 УПК РФ [3], каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а все собранные доказательства — в их совокупности. Это означает, что языковые маркеры неискренности не могут рассматриваться изолированно: они приобретают доказательственное значение лишь в системе с иными сведениями, полученными процессуальным путём.

Несмотря на указанные ограничения, лингвистический анализ обладает значительным тактическим потенциалом, который может быть реализован в ходе допроса.

Одно из перспективных направлений состоит в использовании результатов анализа для определения областей, требующих дополнительного уточнения. Выявленные в предварительном исследовании текста участки с повышенной концентрацией маркеров неискренности — изменения паузальной структуры, утрата логической связности, смешение модальностей — могут стать ориентирами для более детальной проработки соответствующих обстоятельств в ходе допроса.

Другим направлением является применение когнитивно-ориентированных подходов к организации допроса. К их числу относится, в частности, обратный порядок воспроизведения событий, при котором допрашиваемому предлагается описать произошедшее в хронологически обратной последовательности. Этот приём затрудняет конструирование вымысла, поскольку требует удержания в памяти нескольких линий повествования одновременно. Аналогичную функцию выполняют неожиданные вопросы, нарушающие заранее подготовленный сценарий ответа и вынуждающие говорящего конструировать реакцию в режиме реального времени.

Наконец, определённым вспомогательным инструментом выступает криминалистический профайлинг. Он не заменяет процессуальных средств доказывания и не даёт самостоятельного доказательственного результата, однако позволяет следователю более осознанно выстраивать коммуникативную тактику, учитывая индивидуальные особенности допрашиваемого и вероятные стратегии его поведения. В этом качестве профайлинг смыкается с лингвистическим анализом, образуя единый инструментарий тактического обеспечения допроса.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение как для теории лингвистического анализа речевой неискренности, так и для практики следственной работы. Ложь представляет собой не просто искажение фактов, а сложный когнитивный и коммуникативный процесс, оставляющий следы на всех уровнях языковой системы. В отличие от интуитивных представлений, согласно которым ложь проявляется преимущественно в невербальном поведении, данные современных исследований свидетельствуют: именно речевые характеристики обладают наибольшей диагностической ценностью. Лексические, морфологические, синтаксические и просодические маркеры неискренности, рассмотренные в настоящей работе, образуют систему взаимосвязанных признаков, каждый из которых в отдельности не является достаточным, но в совокупности позволяет приблизиться к объективной оценке достоверности высказывания. Комплексный подход, объединяющий достижения лингвистики, психо-

лингвистики и криминалистики, представляет собой наиболее перспективный путь к созданию объективных и надёжных инструментов оценки достоверности показаний.

Список литературы:

- [1] Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих. — Москва: Прогресс, 1987. — 464 с.
- [2] Burgoon J., Mayew W. J., Giboney J. S., Elkins A. C., Moffitt K., Dorn B., Byrd M., Spitzley L. Which Spoken Language Markers Identify Deception in High-Stakes Settings? Evidence From Earnings Conference Calls // Journal of Language and Social Psychology. — 2016. — Vol. 35, № 2. — P. 123–157. — DOI: 10.1177/0261927X15586792.
- [3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

References:

- [1] Weinrich H. Linguistics of Lies / H. Weinrich. - Moscow: Progress, 1987. — 464 с.
- [2] Burgoon J., Mayew W. J., Giboney J. S., Elkins A. C., Moffitt K., Dorn B., Byrd M., Spitzley L. Which Spoken Language Markers Identify Deception in High-Stakes Settings? Evidence From Earnings Conference Calls // Journal of Language and Social Psychology. — 2016. — Vol. 35, № 2. — P. 123–157. — DOI: 10.1177/0261927X15586792.
- [3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

